

Франк Семен Людвигович

Живое знание

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С30

С30 **Семен Людвигович Ф.**
Живое знание / Франк Семен Людвигович – М.: Книга по Требованию, 2022. –
271 с.

ISBN 978-5-521-28608-9

ISBN 978-5-521-28608-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемый сборник содержит некоторые из статей, опубликованных мною в 1910—16 г.г. в журнале «Русская Мысль» (статья о прагматизме печатается здесь в том переработанном виде, в котором она была позднее помещена в выпуске 7 «Новых идей в философии»). Написанные на разные темы, статьи эти объединены одной общей идеей и имеют одну общую задачу. Все они пытаются, в применении к разным областям философии, наметить и развить идею *живого знания*, которая составляет центральную мысль моего философского мирозерцания. Статьи эти образуют, таким образом, дополнение к систематическому гносеологическому обоснованию понятия «живого знания», представленному мною в исследовании: «Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания» (Петроград, 1915) и к описанию психологической природы «живого знания», предложенному в моей книге «Душа человека» (Москва, 1917, гл. VII). Статьи о Джемсе и Шлейермахере стремятся провести идею живого знания в применении к *философии религии*, статьи о прагматизме и

о кризисе современной философии — в применении к *теории знания*, статьи о Гете и Тютчеве — в применении к *метафизике* и отчасти к *эстетике*, и, наконец, статья «Нравственный идеал и действительность» намечает значение той же идеи в *этике*. Вместе с тем, эти работы представляют как бы отчет о некоторых основных генетических корнях моего философского мирозерцания. Внимание, с которым были встречены две указанные мои систематические работы, дают мне смелость предполагать, что и эти дополнительные к ним этюды могут оказаться кому-либо нужными.

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ В. ДЖЕМСА

Бывают научные произведения, значение которых определяется не только и даже не столько их объективной теоретической ценностью, сколько тем, что они высказывают какое-то освобождающее и спасительное слово, провозглашают идею, отвечающую какой-либо назревшей духовной потребности эпохи. К таким книгам преимущественно относится немецкое выражение, что они «делают эпоху». Такова в свое время была книга Дарвина о происхождении видов, которая, совершенно независимо от своего научного значения, соответствовала настроению умов, искавшему механического объяснения органических явлений; таковы в 60-х годах были материалистические манифесты Бюхнера и Молешотта; такова, во второй половине 60-х годов, была книга Альберта Ланге «История материализма», которая среди философского похмелья, последовавшего за торжеством и упадком гегельянской метафизики, впервые выразила культурную потребность в возрождении строгой научной философии.

К таким же «делающим эпоху» произведениям должна быть причислена и недавно переведенная на русский язык книга Джемса «Многообразие религиозного опыта», которая, идя вразрез со всеми сложившимися научными мнениями, сразу имела шумный успех, поддержа-

ла несколько изданий и, вероятно, скоро станет одной из популярнейших научных книг нашего времени. Как бы ни оценивать с чисто научной точки зрения эту, во всяком случае, замечательную книгу, необходимо признать, что она столь же характерна для умонастроения начала XX века, как только что упомянутые произведения — для недавнего прошлого. В ней ярко сказалась всюду намечающаяся глубокая потребность в возрождении религиозной жизни, в ней выдающийся ученый с мировым именем открыто и категорически дал научную санкцию этой потребности; и в этом — тайна ее значения.

За последние десятилетия в умонастроении европейского общества произошел довольно глубокий сдвиг и поворот, выражающийся в переоценке сравнительного значения положительной науки и религии. Эта духовная эволюция есть объективный факт современной истории культуры, который нельзя отрицать, как бы к нему ни относиться. Стоит теперь перечитать не то, что Конта или Фейербаха, но хотя бы рассуждения Ницше об окончательном крушении религии, метафизики и даже искусства, о наступлении новой эры строго-научного отношения к жизни, чтобы непосредственно почувствовать, как далеки мы уже от этого, столь еще недавнего увлечения наукой. То, что тогда казалось духовно-радикальным и свободомысленным, представляется теперь наивностью, ограниченностью или сухим педантизмом. Свободомыслие в своем истинном значении есть понятие формальное; оно означает непредвзятость, бесстрашие и честность мысли, способность видеть и высказывать истину, противоречащую предрассудкам и вкусам общественного мнения. Свободомыслие есть выражение

того драгоценного и редкого фактора духовного прогресса, который Ницше прославлял под названием интеллектуальной совести. И вот, наступила пора, когда интеллектуальная совесть не может успокоиться на банальном уже ныне пренебрежении к религии, когда свободомыслием должно считаться не отрицание, а *отрицание ее огульного отрицания*. Это непосредственно ощутил Джемс; в нем впервые громко заговорил голос интеллектуальной совести *нашего времени*, и в этом отношении его книгу можно назвать подлинно «передовой» и свободомысленной.

Сама по себе такая духовная смелость и чуткость к запросам времени, конечно, гарантирует только субъективную правдивость, но, отнюдь, не объективную правильность своих результатов. Не нужно, однако, быть «прагматистом», чтобы признать, что всякая крупная истина, всякий коренной переворот в человеческих мнениях вытекает из некоторой новой духовной потребности, и что, наоборот, почти всякое действительно сильное и глубокое изменение в умонастроении индивидуального или коллективного духа не проходит бесследно для познания, а помогает подойти к вещам с иной стороны, осветить новый уголок истины. Далее, духовная свобода, во всяком случае, содействует познанию тем, что она разрушает традиционные мнения, преграждающие человеческой мысли доступ к самой действительности; и именно такова духовная свобода, отличающая Джемса. Джемс принадлежит к тем, довольно редким мыслителям, у которых ученая эрудиция не мешает самобытному творчеству и которые всегда думают о самих вещах, а не о чужих мнениях и книгах. Это умственное качество создало Джемсу славу одного из пер-

вых современных психологов. В своих «Основах психологии» он сумел подойти к самой душевной жизни сквозь накопившуюся вокруг нее грудой ходячих психологических понятий; преодолев самые священные, вековые традиции английской «эмпирической» психологии, складывавшей сознание, как из кубиков, из изолированных ощущений, он увидел в последних не «первичные данные опыта», а продукты позднейшей логической абстракции, и впервые, действительно, эмпирически охарактеризовал сознание, как неразложимый единый поток многообразного содержания. Помимо научной непредвзятости, здесь сказалось еще особое психологическое дарование, редкое, именно, у психологов-теоретиков: умение отделять подлинное самонаблюдение, верное эмпирическое воспроизведение психической жизни в ее реальной конкретности от ее позднейшего анализа и конструкции в отвлеченных научных понятиях. Таким образом, сила Джемса определяется сочетанием свободы мысли с той правдивостью непосредственного наблюдения, которой обыкновенно препятствует не только связанность мысли, но и вообще, привычка всякого мыслителя подменять восприятие продуктом его логической обработки, т. е. рационализировать его. Именно, эти качества, были необходимы для правдивой оценки явлений религиозной жизни. Попытка с научной точки зрения осветить ту чуждую и враждебную всякому интеллектуализму сферу переживаний, которую мы зовем религией, встречается, вообще, с огромными трудностями, и Джемсу принадлежит большая заслуга их относительно весьма удачного преодоления.

Новые идеи Джемса направлены полемически против двух духовных лагерей и как бы борются на два фронта:

против сектантов науки, отрицающих религию во имя точного положительного знания, и против ученых богословов и метафизиков, умаляющих конкретную религиозную жизнь и сводящих религию к системе церковных догматов или метафизических теорий. Оба направления, при всем своем несходстве, отражают *рационализм* в двух его видах: натуралистическом и супранатуралистическом. В противоположность этому Джемс — и в этом одна из крупнейших его заслуг и самая бесспорная часть его выводов — уясняет *опытную*, конкретную, интуитивную основу всякой религиозности. Религия по существу есть далекое от всяких рассуждений и умствований непосредственное *переживание*, особый, захватывающий эмоционально-волевую сферу мистический опыт, который, подобно всякому опытному познанию, несет очевидность в самом себе и с точки зрения самого переживающего его сознания не нуждается ни в каком отвлеченном обосновании своего содержания. Вне такого мистического восприятия невозможна религия, ибо все теоретические доказательства бытия Бога и иных религиозных истин, по мнению Джемса, весьма мало убедительны и никогда не могут заменить самостоятельного религиозного опыта, дающего подлинное общение с объектом религиозной веры. Основными признаками мистических состояний сознания Джемс считает их «неизреченность» и «интуитивность». С одной стороны, «мистические состояния» скорее принадлежат к эмоциональной сфере, чем к «интеллектуальной»; поэтому, нельзя найти подходящие слова для их описания: «чтобы знать о них, надо испытать их на личном непосредственном опыте», подобно тому, как «нужно музыкальное ухо, чтобы оценить сим-

фонию» и «нужно быть когда-нибудь самому влюбленным, чтобы понять состояние влюбленного». Но, относясь к сфере чувств, мистические состояния, с другой стороны, «являются особой формой познания»: «при помощи их человек проникает в глубины истины, закрытые для трезвого рассудка». Таким образом, мистический или религиозный опыт всегда индивидуален и иррационален, не может быть ни адекватно выражен, ни сообщен другому; и «религий» или «религиозных истин» имеется, в сущности, столько же, сколько есть *«разновидностей религиозного опыта»* ¹⁾.

Значительная часть книги Джемса посвящена описанию многообразных форм религиозных переживаний и типов религиозных натур; и эта психологическая часть его исследования интересна и ценна сама по себе, так как она независима от какой-либо религиозно-философской точки зрения. Но главный и общий интерес работы Джемса лежит все же в ином — именно в его попытке обосновать об'ективную ценность описываемых им религиозных переживаний. Джемс высказывает целый ряд оригинальных и глубокомысленных соображений в пользу об'ективности религиозного познания; и именно здесь лучше всего обнаруживается та духовная свобода, с которой он подходит к проблеме религии.

Наиболее убедительной и яркой представляется нам отрицательная часть его аргументации. Воспроизводя (неведомо для себя) мысль, высказанную устами одного из героев Достоевского, Джемс весьма основательно критикует распространенное рассуждение, которое от-

¹⁾ Так, при буквальной передаче, нужно было перевести на русский язык заглавие книги Джемса.